

0- 785122

На правах рукописи

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва 2010

Работа выполнена на кафедре философии гуманитарного факультета
Ульяновского технического государственного университета

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор БРЫСИНА Татьяна Николаевна

Официальные оппоненты:
доктор философских наук,
сор РЕТЮНСКИХ Лариса Тимофеевна

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000730117

кандидат философских наук,
нт МАСЛАКОВ Андрей Сергеевич

Ведущая организация – Тольяттинский государственный университет

Защита состоится «22» ноября 2010 г. в 13 00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском педагогическом
государственном университете по адресу: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского,
д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу: 119882, г.
Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

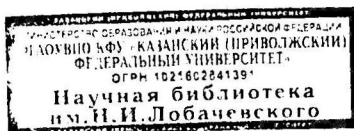
Автореферат разослан «18» октября 2010 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

С.В. Кузнецова

С.В. Кузнецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

В глобализирующемся мире идентичность того или иного общества не является заданной и неизменной субстанцией, метафизическим ядром, не подверженным никаким воздействиям извне, но представляет собой явление открытое, следовательно, подвижное и изменяющееся. В основании этих процессов лежат определённые онтологические схемы и механизмы, экспликация которых представляется тем более актуальной и необходимой, когда социокультурная идентичность отдельных социальных общностей находится под угрозой нивелирования и полного исчезновения.

Осмысление места российского социума, а тем самым и определение идентичности России в изменившемся мире – это животрепещущая проблема, поскольку продолжающаяся депопуляция российского общества, неравномерность в развитии центра и регионов, все более усугубляющийся разрыв между масштабным географическим пространством России и «пробелами» в социальном пространстве могут стать факторами риска при сохранении целостности России в условиях глобализации.

Из вышесказанного следует, что актуальной задачей социально-философского исследования российской идентичности является анализ онтологических оснований и путей конституирования идентичности как таковой, что позволит выявить способы формирования новых солидарностей, межрегионального сотрудничества, сохранения культурного своеобразия, формирования финансово-экономических, коммуникационных, инфраструктурных узлов в мировом сетевом пространстве в целом и в России в частности.

В философской мысли пространство всегда выступало в качестве одного из определяющих атрибутов как бытия в целом, так и его отдельных областей: пространство представляется в качестве условия человеческого бытия, познания, порядка. В качестве определяющего условия образования феномена идентичности может быть рассмотрено социальное пространство, поскольку оно представляет собой динамичную, открытую смысловую структуру. В связи с этим в поиске новых оснований бытия современного российского общества особую актуальность приобретают социально-философский анализ российского топоса, экспликация его смысловой структуры и консолидирующего потенциала.

Таким образом, актуальность темы исследования заключается в выявлении одного из фундаментальных условий образования идентичности российского социума в современной ситуации глобализации. Тем самым, **проблемой** диссертационного исследования выступает обоснование социально-онтологического статуса социального пространства как одного из факторов формирования идентичности российского социума.

Степень научной разработанности проблемы.

Характер исследуемой проблемы обуславливает разделение наличной литературы и полученных в ней результатов на три части: исследование

России как особого социокультурного и исторического феномена; разработка концепта «социальное пространство»; социально-философский анализ идентичности.

Осмыслению социокультурных, пространственных, религиозных, исторических особенностей России посвящены работы П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского, С.М. Соловьёва, В.С. Соловьёва, В.О. Ключевского, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, А. Белого и других мыслителей. В их работах Россия трактуется как особое самостоятельное социокультурное явление, обладающее своей национальной, духовной и социальной спецификой, своей судьбой, своей идентичностью. Среди факторов, формирующих российскую идентичность и определяющих её специфику, немалое внимание уделяется пространству. Уже с этого времени закладываются две основные тенденции рассмотрения пространства, которые будут противостоять друг другу в дальнейшем. Во-первых, пространство рассматривается как явление сугубо географического порядка, обуславливающее все характерные особенности российского общества. Начиная с работ П.Я. Чаадаева данная тенденция впоследствии находит своё воплощение в трудах представителей классического евразийства (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский), а также в работах Л.Н. Гумилёва. Во-вторых, пространство трактуется как преимущественно духовный феномен метафизического порядка (Н.Я. Данилевский, А.С. Хомяков, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, А.Белый и др.).

В современных исследованиях вычленяется новая тенденция трактовки пространства как явления, возникающего из сложного взаимодействия разнородных факторов: географических, социальных, ментальных, и, следовательно, находящегося вне дихотомии материального-идеального. Пространство начинает рассматриваться не как заданное, само по себе существующее образование, но как результат онтологических процедур конституирования, где ментальное, символическое оформляет материальное, наполняет его смысловым содержанием. Данная тенденция представлена в работах Д.Н. Замятина, И.Т. Касавина, И.И. Митина, В.А. Подороги, А.Ф. Филиппова, В.Г. Шукина, И.Г. Яковенко и др.

Значительный вклад в разработку концепта социального пространства и его теоретического обоснования внесли исследования Ф. Броделя, П. Бурдьё, М. Дуглас, И.А. Исаева, М. Фуко, М. Элиаде и др. Социальное пространство трактуется как самостоятельный, не сводимый к географии феномен, формирующийся на основе отношений власти, присвоения, установления границ.

Постмодернистская философская традиция обнаруживает тенденцию к трактовке пространства как сложного, многоуровневого, открытого, находящегося в состоянии перманентных трансформаций образования, как ветвящуюся, не имеющую единого и фиксированного центра сеть отношений (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Ж. Бодрийяр предлагает интерпретацию социального пространства как симулякра, возникающего

вследствие тотальной подмены реальности знаками, лишёнными какого-либо референта. Данные идеи имеют существенное значение для анализа современного состояния социального пространства и феномена идентичности.

Проблеме идентичности также посвящено значительное число исследований на протяжении всей истории философии, однако сама эта проблема не всегда была явно представлена. В классической метафизике идентичность рассматривается как заданная, автономно существующая сущность, бытие которой всецело определяется и гарантируется наличием высшего сущего (платоновский мир идей, Бог). В эпоху метафизики субъективности таким условием становится познающий субъект (Р.Декарт, И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель и др.). В неклассической философии идентичность начинает рассматриваться не как заданная, но как конституируемая различными факторами, как возникающая, исчезающая, преобразующаяся и трансформирующаяся. Данная трактовка идентичности впервые наиболее отчётливо заявляет о себе в философии Ф.Ницше, затем проявляется в экзистенциализме (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр), постструктурализме и постмодернизме (М.Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр). Проблеме идентичности России посвящены работы следующих авторов: А.С. Ахизер, Ф.И. Гиренок, Д.Н. Замятин, В.К. Кантор, А.А. Кара-Мурза, В.Е. Морозов, А.С. Панарин, В.И. Пантин и др.

На основе анализа работ указанных авторов устанавливается степень разработанности проблемы и определяются цель и задачи исследования.

Цель исследования – экспликация онтологической структуры социального пространства в качестве условия формирования российской идентичности.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Проанализировать феномен социального пространства как определяющее условие формирования идентичности.
2. Раскрыть основные подходы к осмыслению роли социального пространства в конституировании российской идентичности в отечественной социально-философской мысли.
3. Определить специфику конституирования идентичности современной России.
4. Эксплицировать основные социальные перспективы сознания современных россиян, обуславливающие конституирование эйдоса России.
5. Исследовать механизмы преобразования социального пространства России.
6. Выявить топологические модели социального пространства России.

Объект исследования – социальное пространство как онтологический атрибут социальной жизни.

Предмет – трансформации социального пространства как условие формирования российской идентичности.

Методологическая основа исследования.

В диссертации используется методологическая установка перспективизма Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Шюца, согласно которой социальное познание обусловлено личной позицией, точкой зрения познающего. «Перспектива», определяемая местонахождением человека в социальной целостности, выступает организующим принципом мировосприятия. Используется в диссертации и социальный конструктивизм П. Бурдьё, П. Бергера, Т. Лукмана и других исследователей, учитывающий роль ментальных процедур в формировании социальной реальности и феномена идентичности. Применение указанной методологии дает возможность трактовать социальное пространство не как нечто «естественное» и «объективно данное», но вскрыть его искусственный, конструируемый характер, эксплицировать многообразие перспектив видения России. Таким образом, акцент делается на роли человека в конституировании и освоении социальной реальности, что позволяет выявить ее смысловое, символическое строение.

Используется метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий выявить специфику социального пространства России через рассмотрение его исторической динамики и трансформаций, сопоставление с западноевропейским социальным пространством.

Применяется феноменологическая методология, разработанная Э. Гуссерлем, А. Шюцем и другими исследователями. Обращение к феноменологическому методу обусловлено его эвристическим потенциалом, позволяющим раскрыть гетерогенность смысловой структуры российского социального пространства. Указанный метод дает возможность выявить основные интенции сознания современных россиян, исследовать способы и формы формирования идентичности в их обусловленности онтологической структурой и спецификой социального пространства России.

В диссертации применяются некоторые концептуально-методологические разработки постструктуралистской и постмодернистской философии М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра и других авторов, позволяющие показать множественность, полисемантичность и трансформационный потенциал социального пространства России, образуемого различными дискурсами, выявить трансгрессивные феномены, встроенные в структуру социального пространства российского общества и служащие механизмами его преобразования.

Результаты исследования и их научная новизна:

1. Проанализирован феномен социального пространства как определяющее условие формирования идентичности. Сделан вывод, что социальное пространство возникает на базе отношений власти и выступает в качестве организующего и упорядочивающего фактора, который противостоит хаосу.
2. Раскрыты два основных подхода в отечественной социально-философской мысли к пониманию роли социального пространства в качестве фактора конституирования российской идентичности. В первом случае

пространство России рассматривается как феномен, приводящий к рассеиванию, размыванию российской идентичности. Во второй тенденции акцент делается на консолидирующем потенциале российского пространства, которое представляется как синтезирующее, интегративное образование.

3. Определена специфика конституирования идентичности современной России, которая представляет собой централизованный монодискурсивный процесс, осуществляемый дискурсом власти.

4. Эксплицированы и описаны основные социальные перспективы, наличествующие в сознании современных россиян и обуславливающие конституирование эйдоса России: центрированные («россиецентричная» и «этноцентричная») и нецентрированные («Россия-в-мире»).

5. Исследована специфика социального пространства России, которая заключается в его дихотомичном характере. Раскрыты такие трансгрессивные феномены, как странничество и юродство, встроенные в структуру социального пространства России и служащие механизмами его преобразования. Предложена трактовка российской интеллигенции как феномена, генерирующего антидискурс по отношению к дискурсу власти, а также российской истории как дихотомичного чередования дискурсивного и антидискурсивного периодов.

6. Предложены пространственные модели социального пространства России: концентрическая, пограничная и модель хаоса. Каждая из названных моделей задаёт свою специфику смыслообразования и конституирования идентичности.

Новизна указанных результатов обеспечивается применением к исследованию социального пространства современного методолого-концептуального аппарата, что позволяет представить онтологическую структуру социального пространства России как определяющего фактора конституирования российской идентичности.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в осмыслении социального пространства российского общества в качестве онтологического основания образования идентичности России. Тем самым определяются границы современного варианта понимания идентичности российского социума и пути его преобразования, что позволит осуществить консолидацию российского общества на основе смыслов, рождаемых разнообразными перспективами социального пространства России.

Основные положения и выводы исследования являются существенными для прогнозирования тенденций развития и будущих состояний российского социума и могут быть использованы для управления структурами социального пространства России.

Основные положения и идеи диссертационного исследования и полученные результаты могут быть использованы в качестве методологического инструментария при анализе различных социокультурных общностей и общественного бытия в целом. Материалы диссертационного исследования могут использоваться в научно-

педагогической практике: в лекционных и семинарских занятиях по философии, культурологии, социологии, политологии. Результаты и положения диссертации использованы в разработке спецкурса «Жизненный мир как местопребывание человека».

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения диссертационного исследования изложены в 12 публикациях автора. Положения диссертации излагались автором в докладах на Международной научной конференции «Литература XI-XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира» (Ульяновск, 2006), Международной научно-теоретической конференции «Ідентичність у сучасному соціумі» (Донецк, 2006), Первом областном научно-теоретическом семинаре «Этика в науке» (Ульяновск, 2006), Межрегиональной научно-практической конференции «Развитие гражданского общества в России средствами образовательного процесса» (Тверь, 2008), Международной теоретико-практической конференции, посвященной памяти профессора Г.Ф. Миронова, «Наука – Творчество – Образование» (Ульяновск, 2009, 2010), научно-технических конференциях УлГТУ «Вузовская наука в современных условиях» (Ульяновск, 2005-2010).

Результаты исследования были представлены на кафедре философии Ульяновского государственного технического университета; основные идеи использованы в образовательном процессе.

Структура работы определяется целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, включающих по три параграфа каждая, заключения и библиографического списка. Объем диссертации: 141 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, отражается степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуются методология исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся данные об апробации результатов исследования.

Первая глава «Социальное пространство и идентичность: характер связи» посвящена экспликации роли социального пространства в конституировании российской идентичности.

В первом параграфе «Экспликация взаимозависимости социального пространства и идентичности в истории социально-философской мысли» анализируется феномен социального пространства в качестве определяющего фактора формирования идентичности. Идентичность трактуется диссертантом как результат рефлексии социального субъекта (человека, общества) над своими или чужими «предельными» условиями, метафизическими основаниями, которые обеспечивают установление тождественности самому себе. Самоидентификация предполагает

способность взглянуть на себя из иной социальной перспективы, глазами Другого.

В современной философской мысли осуществляется переход от классических способов трактовки идентичности к конструктивистским. Идентичность рассматривается не как заданная сущность, но как явление образующееся, формирующееся и становящееся, как конструкт, возникающий в результате действия внешних по отношению к идентичности факторов. Одним из определяющих факторов конституирования идентичности становится социальное пространство.

В классических концепциях пространство рассматривается преимущественно как естественное географическое образование, как некое природное основание, определяющее специфику и характер идентичности локализованного в этом пространстве общества и народа. Географическое положение, особенности ландшафта выступают в качестве условий рассеивания или централизации социальной идентичности. В современных концепциях географическое пространство уступает своё приоритетное положение пространству социальному, которое трактуется как феномен, образованный соотношением различных моментов: распределением власти, установкой ценностных приоритетов, производством различий. Социальное пространство становится особой сетью, покрывающей пространство географическое, природное и естественное, и трансформирующей его, переводящей его в совершенно иной бытийный статус – статус присвоенного (П. Бурдьё), осмысленного пространства. Данное пространство формируется в результате проекции мифологических и религиозных моделей и схем в область земного бытия (М.Элиаде): социальное пространство становится отражением небесного, божественного *порядка*, вне которого существует только хаос. Так возникает метафизическая модель социального пространства, получившая своё наиболее чёткое, хрестоматийное воплощение у Платона и Августина. В Новое время таким метафизическим основанием становится трансцендентальный субъект (Р.Декарт, И.Кант), в качестве репрезентации которого выступает социальное пространство. Трансцендентальный субъект находит самого себя в структурах социального пространства, в институтах власти, в юридических законах и нормах морали, в общественной иерархии и социальных отношениях. В философии XX века эта трактовка заявит о себе ещё раз в феноменологии Э. Гуссерля, где intersubъективный жизненный мир рассматривается как результат интенциональной активности трансцендентального субъекта.

Отход от репрезентативной трансценденталистской схемы осуществляется в концептуальных разработках К.Маркса и Ф.Ницше. В марксистской версии социальное пространство определяется как продукт экономических производственных отношений, составляющих базис. По сути, уже здесь решающим фактором становится власть, проблема соотношения и распределения властных отношений. У Ницше власть как онтологическое основание становится определяющим фактором конституирования социального пространства, тем самым предвосхищая основные идеи

постструктуралистской философии. У М. Фуко социальное пространство начинает трактоваться как *дискурс*. Онтологизация введенного лингвистами структуралистской ориентации концепта приводит к определению дискурса как особого рода подвижной, трансформирующейся и преобразующейся смысловой структуры, организующей социальное пространство в горизонте отношений власти. Пространство дискурса – это пространство власти, сфера её реализации и осуществления, область упорядочивания и классификации, преобразования хаоса в порядок. У Ж. Бодрийера такое пространство становится симуляцией, как и сама власть, явлением, исключительно воображаемым, искусственно образованной знаковой реальностью, претендующей на статус единственной подлинной реальности, соотносящейся лишь с самой собой. Сходные идеи мы находим у Ж. Деррида. Ж. Делёз и Ф. Гваттари вводят концепт ризомного пространства – децентрализованного, децентрализованного, бесконечно преобразующегося и переходящего в иное состояние. Подобной трактовке пространства соответствует и принципиально отличающееся от классического понимание идентичности, анализ которого проводится в третьем параграфе.

В диссертационном исследовании делается вывод, что социальное пространство как определяющий фактор конституирования идентичности представляет собой явление совершенно иного порядка, нежели пространство природное (географическое). Социальное пространство всегда возникает на базе отношений власти и выступает в качестве организующего и упорядочивающего фактора, противостоящего хаосу. Сама власть может представляться как проявление божественного высшего порядка, как репрезентация трансцендентальной субъективности, как дискурсивная практика или симуляция. Во всех случаях речь идёт о подчинении хаоса принципу порядка. Поскольку именно социальное, а не физическое и географическое пространство лучше всего служит инструментом власти и порядка, постольку именно оно трактуется в диссертации как решающий фактор конституирования идентичности.

Во втором параграфе «Основные способы и принципы трактовки идентичности России в отечественной социальной философии» раскрываются базовые подходы к философскому осмыслению роли социального пространства в конституировании российской идентичности.

Рефлексии об особом статусе пространства российского общества, осмыслению его онтологической специфики, социокультурных, религиозных коннотаций посвящены работы многих отечественных философов.

Выделение и осмысление России в качестве особого социокультурного мира с особой спецификой социального пространства и времени было проведено в творчестве П.Я. Чаадаева, который первым из отечественных мыслителей представил пространство России как основополагающий элемент российской идентичности. Масштабное географическое пространство России трактуется Чаадаевым как эрзац культуры, а также своеобразный идентификационный маркер: растянувшись «от Берингова пролива до Одера», наша страна обращает на себя внимание, восполняя тем

самым недостаток культурных ценностей. В позднем творчестве П.Я. Чаадаева так называемое «незападное» пространство России, понимаемое ранее как источник её исторических бед, начинает трактоваться как фактор её преимущества. *Потенциальность* российского социального пространства, выявленная Чаадаевым, становится впоследствии одним из лейтмотивов русской философии и культуры, оставаясь актуальной проблемой и в настоящее время.

Следующей важной вехой в осмыслении исторической судьбы России является разгоревшийся в XIX веке спор между славянофилами и западниками. Ключевым моментом в рассмотрении проблемы социокультурного самоопределения России становится выявление её отношения к иному социокультурному пространству как к референтному Другому. Поляризация Востока и Запада, представляемых не только и не столько в качестве географических направлений, но как особых социально-исторических, политических и культурных векторов, выступает в отечественной историософии своего рода камертоном, в соответствии с которым происходит «самооткрытие» российского социокультурного пространства, нащупываются пути самоосмысления и саморазвития. Восточное и Западное пространство становятся двумя противоположными полюсами, которые, в зависимости от приверженности автора тому или иному лагерю, трактуются как организующие или расссивающие факторы российской идентичности.

Другой мыслитель этого периода, представитель так называемого панславизма Н.Я. Данилевский в своей концепции культурно-исторических типов разграничил восточнославянский и европейский типы культур. Важным моментом учения Данилевского можно считать признание конвенционального характера географических названий (например, Россия, Европа и др.), которые в действительности обозначают культурные понятия. В этом смысле Данилевский предвосхитил появление современной «воображаемой географии».

Поддерживая славянофильскую традицию, другой мыслитель этого периода В.С. Соловьёв наделяет российское пространство особой объединительной силой, способной преодолеть разрыв между «бесчеловечным богом» Запада и «безбожным человеком» Востока и тем самым реализовать историческую задачу воссоединения Бога с человеком, слияние небесного трансцендентного и земного имманентного пространства. Таким образом, в творческом наследии философа получила своё продолжение концептуальная линия рассмотрения России как метапространства, синтезирующего достоинства и преодолевающей недостатки Запада и Востока.

Открытие в социальном пространстве России ещё одного внутреннего Другого – пространства Сибири, подлежащего культурной ассимиляции, во многом является заслугой Ф.М. Достоевского.

Следующий шаг в осмыслении социально-пространственных факторов формирования российской идентичности делается евразийцем П.Н.Савицким

путем введения концепта «месторазвитие». Месторазвитие – это не просто географическая среда, а своеобразное социальное пространство, в котором социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В соединении с социальным временем месторазвитие создаёт цивилизационный пространственно-временной континуум. Главным выводом евразийства является понимание России-Евразии как обособленного и целостного месторазвития. Таким образом, из двух материков Старого Света выделяется третий, срединный материк – Евразия, «естественные» границы которого совпадают с границами Российской империи.

Мощным импульсом для возрождения современного интереса к классическому евразийству послужили идеи Л.Н. Гумилёва, именовавшего себя «последним евразийцем». Плодотворной идеей Гумилёва является постулирование им топологической неоднородности пространства (органического сочетания Леса и Степи) в качестве фактора, цементирующего единство этноса.

На основании проведённого анализа философских концепций в диссертации делается вывод, что в подходах к трактовке влияния социального пространства на формирование российской идентичности можно выделить две противоположные тенденции. В одном случае социальное пространство России рассматривается как феномен, приводящий к рассеиванию, размыванию российской идентичности, к её растворению в Другом или в небытии, либо к возникновению идентичности-фантома, идентичности-призрака, ускользающей от любой фиксации, от любого определения (П.Я. Чаадаев, Ф.М. Достоевский, Д.С. Мережковский. А. Белый и др.). Во второй тенденции акцент делается на консолидирующем потенциале российского пространства, которое представляется как синтезирующее, интегративное образование, втягивающее и поглощающее все самостоятельные и индивидуальные социальные феномены, включающее их в единый имперский дискурс (Н.Я. Данилевский, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилёв и др.).

В третьем параграфе «Особенности конституирования идентичности в современном российском обществе» описывается специфика конституирования идентичности современной России.

Особенностью современного общества является вступление в новый этап своего развития, следующий за эпохой модерна, который многие исследователи называют постмодерном. Автор использует этот термин, не включаясь в существующую дискуссию о его правомерности, для обозначения настоящего периода общественной жизни. Бытие человека модерна – это «бытие-в-границах», отделяющих «свое» пространство от «чужого». Ведущей становится национальная идентичность, выраженная в принципе территориального суверенитета государства-нации. Мир постмодерна характеризуется кризисом национальной идентичности. На передний план вышла модель транснациональных транстерриториальных сетевых сообществ.

Перманентные трансформации социальной структуры в непредсказуемом обществе постмодерна ставят под сомнение легитимность и концептуальный вес самого понятия «идентичность». В этом смысле правомерно говорить о «нулевой идентичности» как условии всех возможных идентичностей, их «перемешивающем слое».

Диссертант вводит концепт «полидискурсивная идентичность», который трактуется как конструкт множества дискурсов, что позволило эксплицировать появление специфических идентичностей – идентичностей-знаков – лишённых референтности указателей социальных различий. Дискурсивное взаимодействие приводит к отсутствию «стержневого» центрального знака (утверждаемого единственным дискурсом), порождая множественные смысловые горизонты, через которые и происходит воздействие на Других.

На фоне очерченных выше особенностей конституирования постмодерных идентичностей диссертант рассматривает специфику идентификации современной России. «Официальные» идентичности России, служащие средством её номинации в мировом социальном пространстве, сконституированы на основе одного дискурса – «официального дискурса» власти. Утверждая монодискурсивные идентичности, дискурс власти создаёт «централизованное зрелище» (Г. Дебор), не оставляя пространства альтернативным смысловым горизонтам, могущим послужить основой для конституирования новых идентичностей России. Наличие единственной легитимированной дискурсом власти идентичности обедняет возможность репрезентации полисемантической и гетерогенности социального пространства России, выносит «за скобки» те его пласты, которые не вмещаются в рамки «официальной» идентичности-знака.

В качестве одной из современных версий определения идентичности России выступает неоевразийство. В данном направлении концепт «Евразия» подразумевает не только историческую территорию России, но и весь одноименный материк. Тем самым неоевразийство остаётся в рамках географического детерминизма и сформировавшихся на его основе геополитических концепций, не учитывающих принципиального различия между естественным географическим и социальным пространством. Такова, например, позиция одного из представителей указанного направления А.Г. Дугина. Семантический гибрид «Евразия», предложенный в качестве маркера российской идентичности, формально отсылает к европейским и одновременно азиатским социокультурным основам России, но фактически отрицает и европейского, и азиатского Другого, что даёт диссертанту основание рассматривать евразийскую идентичность России как «антисубстанцию» (термин Ж. Деррида). Антисубстанциальность российского бытия выражается в его ускользании от ассимиляции со стороны как западного, так и восточного дискурсов и противостоянии им в качестве их иного. Антисубстанция является изначальной не-идентичностью, находящейся в постоянном движении, переходе от одного к другому. Это и есть «нулевая идентичность» России.

В диссертации делается вывод, что разрыв между официальными идентичностями, утверждаемыми дискурсом Власти, и негативной самоидентификацией самих россиян осложняет одну из наиболее актуальных проблем российского общества – сохранение его социокультурной целостности. Однако «нулевая идентичность» России даёт ей исторический шанс, заключающийся в наличии ещё не реализованного горизонта возможных путей развития.

Вторая глава «Российская идентичность как презентация онтологической структуры социального пространства России» посвящена исследованию онтологической структуры социального пространства России, конституируемого различными социальными перспективами.

В первом параграфе «Социально-пространственные эйдосы России как условие формирования российской идентичности» на основе феноменологического метода эксплицируются доминирующие социальные интенции, наличествующие в сознании современных россиян, и конституируемые ими эйдосы России. Эйдосы трактуются диссертантом как онтолого-семантическое основание конституирования идентичности (в виде генерации образов), обеспечивающее осуществление процедуры самосоотнесения и самоотождествления (идентификации). Феноменологический анализ позволяет выявить условия, влияющие на конституирование эйдоса России, а также осуществить прогнозирование возможных последствий, к которым может привести доминирование определенной нозтико-нозматической структуры сознания.

В исследовании выделяются две определяющих интенции сознания: центрированная и нецентрированная. К первой относятся «россиецентричная» и «этноцентричная» установки. «Россиецентричная» установка трактуется диссертантом как взгляд на Россию «изнутри», без учета общемировых тенденций. В диссертационном исследовании описываются особенности «россиецентризма» как доминирующей социальной интенции сознания современных россиян: обеднение горизонта сознания, атрофия его конституирующей активности и интересубъективности, доминирование во времени сознания модуса прошлого, маргинализация модуса фантазии и упрощение процедур конституирования будущего, главной из которых становится планирование.

Эйдетический комплекс, формирующийся в рамках указанной перспективы в сознании россиян, инерционно сохраняется с советских времен и заключается в позиционировании России в качестве устойчивого онтологического центра.

Подобная социально-онтологическая установка сознания может быть рассмотрена в качестве условия, задающего монолитную смысловую матрицу и исключающего возможность взаимодействия с «чужими».

«Этноцентричная» установка сознания предполагает конституирование перспективы, соотносящейся с ещё более узким локальным центром, в качестве которого выступает этническая принадлежность. Данной перспективе и возникающему на её основе эйдетическому комплексу

присуще все характерные черты руссиейцентричной модели, которые здесь приобретают гипертрофированный характер.

Обобщая выводы в отношении первой интенции сознания, диссертант подчеркивает, что наряду с очевидной объединительной тенденцией следование центричной социальной перспективе способно привести к расколу социального пространства (которое может быть «взорвано» силовыми сгустками). А в российских условиях складывание нового центра может рассматриваться не столько как свидетельство силы, сколько как выражение свёртывания социальной активности субъектов общества, атрофии многообразия форм социального взаимодействия.

Далее в диссертации эксплицируются условия и механизмы формирования социальной интенции «Россия-в-мире», соответствующей нецентрированной установке сознания, и описываются ее основные характеристики: расширение горизонта сознания, активизация интерсубъективности и «нового» как модуса сознания, переструктурирование времени сознания под влиянием модуса фантазии. Эйдос России, конституируемый в рамках этой социальной перспективы, может быть описан как нестабильное онтологическое образование с аморфным социальным пространством, устойчивость которого во многом зависит от глобальных мегатенденций. Важно подчеркнуть, что обозначенный эйдетический комплекс может иметь амбивалентную ценностную окраску.

Нынешняя деонтологизация России-в-мире может расцениваться как свидетельство ее исторической и социокультурной «неполноценности», преодолеваемой путем встраивания России в современную – европейскую и североамериканскую – цивилизацию, либо путем политического распада нашей страны. Подобный взгляд на Россию свойствен адептам либерального фундаментализма и мондиализма (Ф. Фукуяма, Ж. Аттали и др.).

Но вместе с тем, при переходе на позицию «Россия-в-мире», наряду с осмыслением реальных угроз суверенитету России, появляется понимание глобализации как возможности для поиска перспектив долгосрочного экономического и политического развития российского общества, его духовного возрождения, условием которого, по мнению диссертанта, является образование в российском социуме новых солидарностей.

Возможности устойчивой адаптации современных россиян к реалиям глобализующегося мира во многом зависят от преодоления россиянами узости доминирующей в их сознании социальной перспективы и перехода на метаперспективу «Россия-в-мире», при которой эйдос России конституируется из широкого смыслового горизонта. Отсутствие практик смены перспектив (трансгрессии) есть свидетельство угасания активности сознания, чреватое кризисом социума.

Во втором параграфе «Топологическая структура социального пространства России» описывается специфика социального пространства российского общества в сравнении с западным обществом, при этом особое внимание уделяется исследованию трансгрессивных феноменов, встроенных

в структуру социального пространства и служащих механизмами его преобразования.

На Западе потребность в выходе за пределы повседневности и образовании себя в качестве иного, в поиске каналов для выражения многомерности человеческого бытия привела к становлению и поддержанию пространства *публичного*, противопоставляемого сфере *приватного*. Российская повседневность, в отличие от западной, не предполагает перманентной интенции к трансформации мира и характеризуется неформальностью публичного пространства на фоне доминирования сферы *семейного*.

Встречаясь в своей повседневности с широким пространственным горизонтом, жители России находят необходимые и достаточные основания для своей жизнедеятельности в освоении и «присвоении» малого пространства. Структура социального пространства россиян симбиотична: она представляет собой интерференцию конечного и бесконечного, ограниченного и безграничного, локального и глобального пространств. В то же время, именно идея Большого Пространства служит основным идентификационным маркером социального пространства России как в глазах самих россиян, так и в представлениях иностранцев о России.

Социальное пространство россиян упорядочивается извне, цементируется под воздействием дискурса власти. Парадоксальность российского бытия проявляется в одновременной зависимости от власти и недовольстве ею, которое выражается в ускользании из-под сферы действия власти и выливается в стратегию социального бегства, под которой в диссертации понимается отношение к толпсу как к временному пристанищу и, в конечном счете, доминирование экстенсивной стратегии освоения пространства. *Исход, бегство* в пространство как одна из стратегий его освоения приобретал в истории нашей страны разнообразные формы: колонизация, массовые комсомольские стройки, освоение целины, вахтовая миграция и т.д.

В качестве трансгрессивных элементов, делокализирующих и преобразующих социальное пространство России, в диссертации выделяются религиозные феномены: обратная перспектива православной иконы; юродство, создающее в социальном пространстве России своеобразные антимир, сгустки анти-пространств и анти-времен, зеркально преломляющих повседневность земного бытия; странничество, движимое поиском метапространства, существование которого оправдывает бессмысленность и бренность земного бытия.

Устойчивость социального порядка в России обеспечивается восприятием дискурса Власти как сакральной истины, имеющей этическое обоснование, то есть *правды*. В монополии на обладание правдой с Властью соревнуется российская интеллигенция.

Конституирующим признаком российской интеллигенции является ее вневластность, непредставленность в бюрократических институтах. С целью объединения локальных миров россиян интеллигенцией осуществляется конституирование социальных порядков, выходящих за пределы

индивидуального бытия и имеющих своей целью переустройство всего общества в целом.

Анализ феномена интеллигенции приводит к заключению, что, в отличие от «критического дискурса» западного интеллектуала, встроенного в систему власти, дискурс российской интеллигенции по своей сути является антидискурсом Власти.

Воспроизводство в истории России бинарной структуры «Дискурс – Антидискурс» («Власть – Интеллигенция») свидетельствует о прерывистости, дихотомичности русской истории: деконструкция властного дискурса под влиянием антидискурса интеллигенции чередуется с его реконструкцией. Таким образом, российский социальный порядок, как он сложился в последние два столетия, основанный на дуальном принципе, нуждается для своего существования в постоянном воспроизводстве своего *иного* (антидискурса).

В диссертации делается вывод, что топологическая структура социального пространства России носит гетерогенный характер, конституируется разновекторными перспективами, одни из которых направлены на сохранение, удержание наличествующего социального порядка (дискурс Власти), а другие – на его преодоление (антидискурс). Выявление бытийного основания данной структуры требует экспликации онтологических моделей социального пространства российского общества, обуславливающих специфику конституирования российской идентичности, что составляет задачу следующего параграфа.

В третьем параграфе «Модели социального пространства современной России как условие конституирования российской идентичности» исследуется зависимость способов конституирования российской идентичности от осмысления места Другого в социальном пространстве России. С этой целью выявляются основные пространственные модели социального пространства России, обуславливающие специфику осуществляющегося в нём смыслообразования. На основе анализа социального пространства вообще и России в частности в диссертации выявляются основные топологические модели, обуславливающие способы конституирования идентичности, каковыми являются концентрическая, пограничная модели, а также модель хаоса.

Концентрическая модель социального пространства, предполагающая его разделение на «свою» и «чужую» сферы или на «ближний» и «дальний» миры, является наиболее изученной. В большинстве социально-гуманитарных исследований, посвящённых пространственной проблематике, наблюдается попытка универсализации рассматриваемой модели, т.е. придание принципу концентризма статуса атрибута социального пространства. В этом, с нашей точки зрения, проявляются рецидивы классической рациональности как конкретно-исторической «онтологии ума» (М.К. Мамардашвили).

Данная модель является эгоцентричной: «свой мир» функционирует в качестве центра, окруженного дальнейшими горизонтами.

Смыслообразование в концентрической модели осуществляется как приращение топоса путём продолжения единственной социальной перспективы. В данном случае наблюдается ограниченность условий смыслообразования топосом «своего», что задаёт узкий коридор для рождения смысла. В результате выстраивается жёсткий смысловой каркас, все элементы которого тесно связаны между собой. Наличие в социальном пространстве России ярко выраженного центра позволяет осуществлять конституирование российской идентичности на основе одного дискурса – «официального дискурса» Власти.

В современных условиях глобализующегося мира, когда явственным стало единство всех социальных субъектов, в качестве насущной необходимости выступает поиск новых плодотворных форм конституирования идентичности. В качестве таковой выступает *пограничная* модель. Пограничье трактуется диссертантом как поле взаимодействия – взаимопересечения, взаимоналожения – различных социальных перспектив. Преодоление концентризма осуществляется благодаря онтологизации места встречи Я и Другого – пространства «между», которое выполняет консолидирующую функцию. Таким образом снимается традиционный антагонизм «свой – чужой» и вступает в силу принцип амбивалентности, в соответствии с которым пограничный феномен одновременно может принадлежать двум или нескольким дискурсам. Взаимоналожение и взаимообмен дискурсов искривляют топос «между», придавая ему нелинейный и асимметричный характер. Взаимодействие различных дискурсов в пограничной модели позволяет осуществить конституирование полидискурсивной идентичности, которая предполагает наличие некоего, пусть и невидимого центра.

В ситуации смысловой исчерпанности концентрической и пограничной моделей социальное пространство переходит в чистое поле смыслообразования, представленное моделью *хаоса*.

Хаос следует трактовать не как область небытия, бессмыслицы, но как предельную совокупность возможностей, предельный горизонт – область, которая предвосхищает очерчивание образующихся феноменов. Другими словами, хаос понимается не как отсутствие смысла (порядка), но как метафеномен, содержащий все возможные смыслы. При этом потенциальность, смысловую незавершённость России не следует признавать исключительно свидетельством её неполноценности на горизонте будущего смыслообразования. Потенциальность есть само российское бытие как отсутствие возможности завершённости, успокоения, отсутствие конечного вектора социальной динамики. Пространство России, ускользающее от дискурса Власти, есть чистый горизонт потенциальности. Модели хаоса соответствует особый тип идентичности – нулевая идентичность.

Кризис интересубъективности в России обуславливается парадоксальным разрывом между дискурсом власти и смысловой недостаточностью российского социального пространства. Таким образом, можно разграничивать Россию как фантом власти, на основе которого

конструируются её официальные идентичности, и смысловой потенциал Большого Пространства, остающийся сокрытым в тени дискурса Власти. Для сохранения социокультурной целостности России необходимо учитывать смыслообразующий потенциал российского социального пространства.

В заключении подводятся основные итоги исследования, определяются направления дальнейшей разработки проблемы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Балаклеец Н.А. Модели социального пространства России как условие конституирования российской идентичности // Аспирантский вестник Поволжья. - 2010. - № 1-2. - С. 7-11. 0,5 п.л. Статья.

2. Балаклеец Н.А. Топология риска: российский социокультурный контекст // Этносоциум и межнациональная культура. - 2009. - № 4 (20). - С. 136-141. 0,3 п.л. Статья.

3. Балаклеец Н.А. Пространственные модели другого как условие формирования солидарностей // Личность. Культура. Общество. - 2007. - Т.9. Спец. вып. 2 (38). - С. 110-116. 0,4 п.л. Статья.

4. Балаклеец Н.А. Интеллигенция и власть в жизненном мире России // Образование. Наука. Культура: сборник научных трудов / под ред. Т.Н. Брысиной. - Ульяновск: УлГТУ, 2009. - С. 149-156. 0,5 п.л. Статья.

5. Балаклеец Н.А. Тернии российской интеллигенции // Развитие гражданского общества в России средствами образовательного процесса. Тезисы Межрегиональной научно-практической конференции. - Тверь: ТФ МГЭИ, 2008. - С. 17-19. 0,2 п.л. Тезисы.

6. Балаклеец Н.А. Российская интеллигенция и власть: конфликт дискурсов // Образование как креативное явление социума: сборник научных трудов / под ред. Г.Ф. Миронова. - Ульяновск: УлГТУ, 2008. - С. 44-54. 0,7 п.л. Статья.

7. Балаклеец Н.А. Идентичность в мире post-modernity: взгляд из России // Идентичность у сучасному соціумі. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. - Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. - С. 104-105. 0,15 п.л. Тезисы.

8. Балаклеец Н.А. Общезначимый мир и образ России в литературно-художественном творчестве: опыт феноменологического анализа // Литература XI-XXI вв. национально-художественное мышление и картина мира: материалы международной научной конференции. В 2-х ч. Ч. 1. Национальное сознание в литературном и культурно-языковом развитии. - Ульяновск: УлГТУ, 2006. - С. 268-276. 0,5 п.л. Статья.

9. Балаклеец Н.А. Социально-онтологические основания современного политического проектирования // Научно-исследовательская и проективная культура в современном обществе: сборник научных трудов. - Ульяновск: УлГТУ, 2006. - С. 32-37. 0,4 п.л. Статья.

10. Балаклеец Н.А. Геоэкономическая картина мира и Россия // Тезисы докладов LX научно-технической конференции УлГТУ «Вузовская наука в

современных условиях» (30 января – 5 февраля 2006 года). – Ульяновск: УлГТУ, 2006. - С. 153. 0,1 пл. Тезисы.

11. Балаклеец Н.А. Опыт феноменологического анализа сознания современных россиян // *Философия в современном мире: поиск методологических оснований*. Вып. 4. Социально-этнические и культурно-исторические формы бытия мысли / МГУ им. М.В. Ломоносова, УлГТУ; под ред. Т.Н. Брысиной. – Ульяновск, УлГТУ, 2005. - С. 31-38. 0,5 п.л. Статья.

12. Балаклеец Н.А. Евразийство как опыт социального познания // *Научные труды аспирантов гуманитарного факультета УлГТУ*. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. - С. 18-28. 0,7 п.л. Статья.

Подп. к печ. 12.10.2010 Объем 1,25 п.л. Заказ № 116 Тир 100 экз.
Типография МПГУ

v2